

Языковая ситуация Петровской эпохи и возникновение русского литературного языка нового типа

1. Петровская эпоха несомненно выступает как переломный момент в истории русской культуры, отделяющий многие столетия традиционного развития от бурной экспансии европеизированной культуры XVIII в. Каких бы оговорок ни требовала эта концепция, она опирается на реальный факт перелома в культурном сознании, определившего специфику рассматриваемого периода, и входит как бесспорная данность в восприятие национального исторического прошлого. Вне зависимости от оценок все говорят об этом переломе - от ранних апологетов петровских преобразований до поздних славянофилов. В соответствии с данным восприятием строится и периодизация в истории отдельных частных областей культуры - в истории литературы и в истории живописи, в истории музыки и в истории литературного языка. Каждый раз, однако, такая периодизация нуждается в отдельном обосновании, относящемся к данной сфере культуры. Хотя историческое сознание заставляет исследователей как-то подобное обоснование формулировать, в научной литературе, рассматривающей историю языка в Петровскую эпоху, новизна культурно-языковой ситуации описывается весьма расплывчатым и непоследовательным образом.

Обычно указывается, что в Петровскую эпоху имеет место отказ (или окончательный отказ) от церковнославянского языка в качестве литературного и становление в этом качестве русского языка (ср., например: Ларин 1975, 275). Поскольку сами эти термины носят генетический, а не функциональный характер, они плохо подходят для описания процессов преобразования литературного языка. Оказывается, что, с одной стороны, церковнославянский ограничивается в своем употреблении, а с другой - церковнославянские же "элементы" получают широкое распространение. Поскольку функциональная значимость этих элементов остается невыясненной, неясным оказывается и состав нового литературного языка, его отличия от языка традиционной книжности. В.В. Виноградов может даже утверждать, что "литературный стиль Петровской эпохи, несмотря на свой смешанный состав, не переставал быть и называться 'славянским'" (Виноградов 1938, 75).

При таком подходе оказывается, что культурная и языковая политика Петра при всем своем радикализме последовательного выражения в языковой практике не нашла; если она и принесла какие-то результаты, то охарактеризованы они могут быть лишь как хаотическое смешение разнородных черт, не поддающихся никакой систематизации. Это, по словам Н.А. Мещерского, "причудливое смешение тех основных речевых элементов, из которых исторически сложился к этому времени русский литературный язык. Это, с одной стороны, слова, выражения и грамматические формы традиционного, церковнославянского происхождения; с другой - это слова и словоформы просторечного, даже диалектного характера; с третьей - это иноязычные элементы речи, зачастую слабо освоенные русским языком в фонетическом, морфологическом и семантическом отношении" (Мещерский 1981, 150; ср. Левин 1972, 216-218).

Ход исследовательской мысли во всех этих случаях вполне понятен. Поскольку в качестве исходных берутся генетические параметры, единственный вывод, который можно сделать, наблюдая языковой материал, - это заключение о его генетической разнородности. Именно генетическая разнородность и оказывается в этом случае основной характеристикой языка Петровской эпохи; по этому параметру (по происхождению) все его составляющие распадаются на три компонента: церковнославянские элементы, русские элементы и заимствованные элементы. Поскольку трудно представить себе какие-либо языковые элементы, которые не входили бы в одну из этих трех категорий, подобная характеристика языка оказывается довольно тривиальной. Более того, становится не совсем ясным, в чем состоит новизна языка Петровской эпохи. В самом деле, смешение генетически русских и генетически церковнославянских элементов было свойственно и литературному языку предшествующего периода (ср. Живов 1988, 50-63); имелось и некоторое количество заимствований (в том числе и слабо освоенных). Этот момент и служит В.В. Виноградову основанием для вывода о том, что литературным языком Петровской эпохи остается церковнославянский.

В плане генетических параметров наиболее ярким отличием литературного языка Петровского времени от предшествующей традиции является чисто количественный момент - число заимствований. Именно поэтому на них и сосредоточивают свое внимание историки литературного языка, обращающиеся к данному периоду (ср. Соболевский 1980, 119-120; Виноградов 1938, 59-62; Мещерский 1981, 143-150; Исаченко

1983, 545-548). Очевидно, однако, что заимствования - это частная характеристика языка, ничего не дающая для определения его статуса: сколько бы заимствований из голландского или немецкого ни появилось в рассматриваемый период, русский язык не становился от этого голландским или немецким и даже не сближался с ними. Если основная новизна состоит в заимствованиях, то ничего существенно нового в языке Петровской эпохи нет; он ничем принципиально не отличается от языка традиционной книжности. Логическим заключением такого хода мыслей является вывод, сделанный А.В. Исаченко, который говорит о "die Ratlosigkeit, das sprachliche Chaos, den Mangel einer tragbaren sprachlichen Konzeption der petrinischen Zeit" (Исаченко 1983, 532).

2. Между тем у Петра имелась достаточно определенная лингвистическая концепция. Эта концепция отразилась в проведенной им азбучной реформе, когда созданный Петром гражданский шрифт, предназначенный для светской литературы, был противопоставлен традиционной кириллице, которая с этого момента должна была обслуживать лишь литературу духовную (ср. Живов 1986). Об этой же концепции свидетельствуют многочисленные высказывания Петра о языке, раскрывающие основные положения его языковой политики. Петр требует каких-то изменений в языке, и какие-то изменения производятся, так что нельзя думать, что идеи царя не нашли никакого воплощения в языковой практике. Однако для выявления этих изменений и определения их значимости нужна адекватная методология - как в плане отбора релевантного материала, так и в плане уяснения функциональных категорий, необходимых для его описания.

Нельзя думать, естественно, что обусловленные петровской языковой политикой изменения распространялись на языковую практику во всем ее объеме: старое не уходит мгновенно, но довольно долго продолжает сосуществовать с новым (в конце концов и во времена Ломоносова сочиняются и переписываются повести, близкие по языку Римским деяниям или Повести о Петре златых ключей, написанным на гибридном церковнославянском). Создаются тексты на традиционном книжном языке и пишутся деловые документы на языке некнижном, мало чем отличающемся от приказного языка предшествующего столетия. Для понимания того, что изменилось в Петровскую эпоху, такие тексты, естественно, дать ничего не могут. Показательны те тексты, которые создавались в соответствии с прямыми указаниями Петра (или его ближайших единомышленников). Именно язык этих текстов и должен

изучаться в первую очередь, и те черты нового, которые в них обнаруживаются, должны сопоставляться с характеристиками других текстов, в том числе и текстов позднейших (например, середины XVIII в.), литературный язык которых однозначно квалифицируется как русский, а не церковнославянский. Таким образом и может быть выяснено, что нового было создано в языковой политике Петра и в какой степени эту реализацию петровских лингвистических концепций можно рассматривать как начало русского литературного языка нового типа, противопоставленного церковнославянскому.

Таким образом, речь идет об интерпретации лингвистической программы Петра с помощью тех текстов, в которых она непосредственно реализовалась. Подобная интерпретация требует, несомненно, не генетических, а функциональных категорий. Ни сам Петр, ни его сподвижники не занимались этимологией или исторической грамматикой, поэтому, называя те или иные языковые элементы "славянскими", "российскими", "словами Посольского приказа" и т.д., они исходили не из происхождения этих элементов, а из их функционирования. Содержание данных обозначений определялось языковым сознанием рассматриваемой эпохи, которое и описывается функциональными категориями, учитывающими многократное переосмысление генетически разнородных элементов в длительном процессе взаимодействия книжного и некнижного языка в предшествующий исторический период. Анализ культурно-языковых инноваций петровского времени распадается, следовательно, на две части. Во-первых, должны быть выяснены языковые установки Петра, выяснены в том виде, в котором они выразились в лингвистических декларациях царя и его сподвижников. Во-вторых, эти установки должны быть раскрыты на материале реализовавших их текстов.

Лингвистические декларации Петра достаточно многочисленны и свидетельствуют, как можно думать, о намерении царя вытеснить традиционный книжный язык из сферы светской культуры. Исключительное значение имеет в данном плане история перевода "Географии генеральной" Бернарда Варения (см. Лукичева 1974; Успенский 1983, 96-99; Живов 1986а); в этой истории отчетливо выразились все основные моменты языковой политики Петра.

Первоначальный перевод этой книги был сделан Ф. Поликарповым в 1715-1716 гг., однако Петр считал, что книга "за неискусством либо каким переведена гораздо плохо", и приказал перевести ее заново.

Новая редакция текста была осуществлена Софронием Лихудом, понравилась царю и была опубликована в 1718 г. Рассматриваемый эпизод представляет собой, в сущности, столкновение двух антагонистических лингвистических установок. Поликарпов переводит "Географию генеральную" на церковнославянский и, заранее полемизируя с Петром, обосновывает выбор языка тем, что "общенародный российский диалект" не в состоянии передать "высоту и красоту" латинского оригинала; только лишь церковнославянский, на его взгляд, сохраняет "регулы чина грамматического" и может соответствовать достоинству культурного языка. Петр решительно отвергает подобные воззрения, говоря о плохом качестве перевода и "неискусстве" переводчика, и требует, чтобы перевод был сделан "простым русским языком". Тем самым он приписывает этому языку необходимое достоинство и усваивает ему роль языка новой культуры. Этот язык Поликарпов и называет "гражданским посредственным наречием", отмечая в то же время невозможность в нем "хранения правил грамматических". Для развития данного конфликта показательно, видимо, что Поликарпов не хочет брать на себя переработку текста, которая сводилась, на его взгляд, к абсурдному разрушению "регул чина грамматического". Эту неприятную работу он перепоручает своему бывшему учителю Софронию Лихуду, отношения с которым у него в интересующее нас время были довольно натянутыми. Именно Софроний Лихуд выполнил указание Петра о замене традиционного книжного языка на "простой русский язык" (будучи греком, он вряд ли являлся принципиальным адептом церковнославянской образованности), и это засвидетельствовало победу лингвистических установок Петра над лингвистическими установками Поликарпова (и других традиционалистов). Таким образом, "высокому славенскому слогу" оказывается противопоставленным "гражданское посредственное наречие", и воля Петра состоит именно в том, чтобы гражданские книги писались на этом гражданском наречии (точно так же как печатались бы гражданским шрифтом).

Те же лингвистические установки отражаются и в других высказываниях Петра, например, в указании царя Феофилакту Лопатинскому о переводе двух лексиконов (Черты из истории..., 1868, стб. 1053-1054), в распоряжении префекту московской академии Гавриилу о переводе "Разговоров дружеских" Дезидерия Эразма (Пекарский 1862, II, 368), в повелении перевести "на общии Российский язык" "Библиотеку" Аполлодора (Апполодор 1725, предисл., 19). О сходном распоряжении Петра сообщает и Д. Кантемир в предисловии к составленной им в 1722 г. "Системе мухамеданския религии": "...соизволилъ его црское вели

чество и мнѣ... рабу своему поручити, дабыхъ о Мухамеданской религiи, и о политическомъ Муслиманскаго народа правленiи, нѣкое нижнимъ ступлемъ и просторѣчiемъ изданiе" (ЦГАДА, ф. 381, № 1035, л. 13 - я благодарен Н.Н. Запольской, указавшей мне на эту рукопись).

Все приведенные высказывания позволяют достаточно четко представить лингвистические установки Петра. Очевидно, что его распоряжения об употреблении "простого", "общего", "посредственного" языка были направлены против предшествующей языковой традиции, когда церковнославянский выступал в качестве единственного языка культуры. Его место - по крайней мере, в сфере новой культуры - должен был занять иной язык, который и определялся перечисленными выше эпитетами. В принципе такие эпитеты могли относиться к языку текстов с очень разными лингвистическими структурными характеристиками (ср. Живов 1988, 73-81). Поэтому возникает вопрос, чем же именно был тот "простой" язык, который соответствовал замыслу Петра. Наиболее четкий ответ на этот вопрос содержится, как уже говорилось, в правленных текстах, отредактированных в соответствии с языковыми установками новой культурной политики.

Исследование подобных правленных текстов показывает, что исполнители петровских намерений единообразно представляли отличия создаваемого "простого" языка от языка традиционной книжности (см. Живов 1986а; 1988а). Из редактируемых ими текстов устранялись "признаки книжности" (см. Живов 1988, 54-60), т.е. маркированные книжные элементы, с которыми и ассоциировался в языковом сознании данного времени традиционный книжный язык. К числу подобных элементов относились формы простых претеритов, связка в формах перфекта, краткие действительные причастия, согласованные по роду и числу, дательный самостоятельный и т.д. За такого рода тождеством языковых представлений должна была стоять и общая литературно-языковая традиция - традиция таких текстов, книжный характер которых реализовался именно в данном наборе специфически книжных языковых черт. Эту традицию естественно видеть в гибридном церковнославянском (ср. Живов 1988, 54 сл.); в этом случае формирование русского литературного языка нового типа и должно связываться с трансформацией данной литературно-языковой традиции.

Свидетельством такого же понимания соотношений между традиционным книжным языком и языком "простым" являются и некоторые грамматические сочинения, появляющиеся в Петровскую эпоху. Так, в

"Технологии" Ф. Поликарпова 1725 г. (ГПБ, НСРК, Ф 1921. 60; ср. Бабаева 1989) указывается ряд различий "славенской" и "великороссийской" грамматики. К этим различиям относятся, в частности, наличие/отсутствие простых претеритов, звательной формы, дв. числа и т.д. Как пишет Б.А. Успенский, "нельзя не отметить, что кодификация различий между церковнославянским и русским языком основывается на тех же противопоставлениях, которые проводятся при переделке церковнославянского текста в простой... Речь идет в сущности об одной и той же системе противопоставлений, которая в одном случае фиксируется в грамматическом описании, а в другом реализуется в языковой правке. Во всех этих случаях 'простой' русский язык противопоставлен церковнославянскому языку по ограниченному числу признаков, в результате чего оказывается возможным более или менее автоматическое преобразование церковнославянского в русский текст и наоборот" (Успенский 1987, 343). Как можно думать, Поликарпов неодобрительно относился к утверждению 'простого' языка в качестве литературного, однако в том, что касается самих различий между традиционным книжным и "простым" языком, его представления не отличались от представлений других авторов.

Преимственность "простого" языка Петровской эпохи по отношению к языку предшествующей литературно-языковой традиции, а именно к традиции гибридного церковнославянского проявляется и в том, как в правленных текстах трактуются элементы, не соотносившиеся в языковом сознании рассматриваемого периода с оппозицией книжного и некнижного языков. Вариативность подобных элементов в гибридном церковнославянском - например, вариативность окончаний существительных мужского и среднего рода в косвенных падежах мн. числа, вариативность окончаний полных прилагательных, полногласных и неполногласных форм и т.п. - переходит в том или ином виде в новый "простой" язык (см. Живов 1988а). И этот процесс наглядно отражается в правленных текстах. В некоторых из них (например, в "Истории Петра Великого" Феофана Прокоповича) варьирующиеся элементы вообще не подвергаются никакому изменению в ходе редактирования текста, связанного со сменой языка. В других, однако, - в тех, которые готовились к изданию профессиональными справщиками, - дело обстоит несколько иным образом. Варьирующиеся элементы могли подвергаться здесь определенной нормализации; такая нормализация, тем не менее, никак не была связана с задачей изменения языка, что явствует из самого характера исправлений. Так, например, Софроний Лихуд, редактируя "Географию генеральную", правит -ой на -ый и

им.-вин.ед. м.рода, —ой на —мя в род.ед. ж.рода и т.п. (см. Живов 1986а, 257).

Несвязанность подобной нормализации с проблемой изменения языка следует и из того факта, что она может проводиться в текстах, изначально написанных на "простом" языке и даже предназначенных быть образцами этого языка. Нормализующая правка этого рода имеется, например, в наборной рукописи "Юности честного зерцала" (ЦГАДА, ф. 381, № 1021). На эту книгу могут ссылаться как на образец стандартного употребления гражданского шрифта и орфографической практики новопечатных книг. Так, например, "Юности честное зерцало" указывается в качестве книги, по которой "начертанія ихъ [букв гражданского шрифта] познать надлежитъ", в грамматическом сочинении Ф. Поликарпова 1724 г. (ЦГАДА, ф. 201, № 6, л. 34об.-36; ср. Живов 1986; Бабаева 1989); здесь же отмечаются элементы орфографической нормализации, свойственные правописанию этой книги, издателя которой "мѣста сихъ литеръ, е, ѣ, и, і, весма блудутъ". Показательно, что в наборной рукописи имеется небольшая правка именно нормализующего характера. О характере орфографического нормирования в данной рукописи говорят такие замены, как *другова* на *другаго* (л. 140б), *ево* на *его* (л. 170б), *в страхе* на *въ страсть* (л. 21об., 23об.), *должны* на *должи* в им.мн. (л. 1). Как и в других текстах, отредактированных типографскими справщиками петровского времени, проблема нормализации решается здесь закреплением традиционных книжных вариантов.

В подобной нормализации можно видеть начало последующих процессов развития русского литературного языка нового типа. Эти процессы в значительной степени и сводятся к устранению той вариативности, которая была свойственна "простому" языку Петровской эпохи. Вариативность может устраняться за счет элиминации одного из вариантов или за счет распределения вариантов в зависимости от формальных или стилистических параметров. В истории нормализации отдельных вариантов разные способы устранения вариативности могут сменять друг друга, и такая смена, как правило, оказывается в определенной связи с изменением общих языковых установок (ориентация на разговорное употребление, на грамматическую традицию и т.д.). Показательно, что первое поколение нормализаторов нового литературного языка (В.Е. Адодуров, В.К. Тредиаковский, М. Шванвиц) часто руководствуется при выборе варианта славянской грамматической традицией (например, когда в окончаниях прилагательных выбираются

варианты *-ий* для им.ед. м. рода, *-аго* для род.ед. м. и ср. рода, *-ия* для род.ед. ж. рода); в подобном выборе можно видеть преемственность по отношению к нормализаторской работе типографских справщиков.

3. Изложенное понимание развития литературного языка в Петровскую эпоху основано на функциональных категориях (признак книжности, нерелевантные для оппозиции книжного и некнижного языка варианты), и именно это позволяет увидеть, в чем состоит новизна "простого" языка и где имеет место преемственность этого языка по отношению к предшествующим языковым традициям. Принципиальное значение имеет здесь сам выбор языкового уровня, наиболее показательного для реконструкции характеризовавших развитие литературного языка процессов.

При генетическом подходе основным объектом анализа является лексика и фразеология, и этот выбор закономерен. Действительно, церковнославянский и русский трактуются при таком подходе как два генетически разнородных языка. Соответственно, славянизмы в русском литературном языке нового типа выступают как особого рода заимствования. Понятно, что проблема заимствований - это прежде всего проблема лексическая, и поэтому именно на лексике сосредоточивается внимание исследователей. Отсюда и проблема происхождения русского литературного языка, обнаружения его преемственных связей решается в первую очередь как проблема словаря; как раз к словарю относятся те многочисленные подсчеты, с помощью которых в течение многих лет пытаются решить вопрос о генезисе русского литературного языка и которые, как я пытался показать в начале статьи, приводят к представлению о хаотическом состоянии языка в Петровскую эпоху.

Между тем, при функциональном подходе основное внимание должно уделяться грамматике. В самом деле, различия литературно-языковых традиций связываются в языковом сознании с грамматическими параметрами, и прежде всего в грамматических параметрах выражается, видимо, значимая для языкового сознания вариативность. Как писал Г.О. Винокур "можно думать, что в области морфологии граница между 'славянским' и 'простым русским' обнаруживалась нагляднее всего. Простые прошедшие времена, ... формы именительного падежа единственного числа причастий мужского рода без суффиксального звука *щ* в настоящем времени и звука *ш* в прошедшем времени типа *дааяй*, *давыйй* и т.п. для русского человека первой половины XVIII в.

были наделены гораздо более сильно экспрессией старины и церковности, чем церковнославянские слова, из которых многие стали уже вполне привычными и, главное, могли даже не иметь своих русских эквивалентов в бытовом языке" (Винокур 1959, 126). Поскольку языковая политика Петра воплощается именно в тех изменениях, которые диктует языковое сознание данной эпохи, формирование русского литературного языка нового типа ("простого" языка) и следует описывать в функциональных категориях, отражающих это языковое сознание.

Обращение к грамматическим показателям приводит и к заключению о том, что особенности смещения генетически разнородных элементов в "простом" языке Петровской эпохи восходят к гибриднему церковнославянскому. Это заключение опирается не на генетические, а на функциональные параметры, на наблюдения над наборами и соотношением вариантов, допустимыми в гибридном языке и переходящими из него в язык "простой". При таком подходе значимым оказывается не то, что может быть определено как генетический русизм или генетический славянизм, а то, какие русизмы и какие славянизмы (и в каком соотношении) могли попасть в новый литературный язык из старого. Так, например, на преемственность "простого" языка Петровской эпохи по отношению к гибриднему церковнославянскому указывает характерная для обеих этих систем вариация флексий прилагательных род.ед. ж. рода —*мя/—ой*, при том что еще один вариант данной флексии, —*ме*, широко распространенный в приказной письменности, в "простом" языке практически не представлен. Таким образом, при функциональном подходе выясняется природа перехода от старого литературного языка к новому — она состоит в устранении признаков книжности — и одновременно обнаруживается характер преемственности этих языков — он определяется спецификой унаследованных вариаций.

Генетический подход не дает возможности увидеть в гибридном церковнославянском особую языковую систему, а, следовательно, и адекватно реконструировать предысторию русского литературного языка нового типа. Поэтому не может быть адекватно реконструирован и генезис этого языка — в своем первоначальном виде "простого" языка Петровской эпохи. В самом деле, в гибридном языке смешение генетически разнородных элементов имеет принципиальное значение. При генетическом же подходе гибридные тексты рассматриваются не как самостоятельная литературно-языковая традиция, а относится к разным языкам — в зависимости от того, какие признаки избираются как основа классификации. В любом случае эти тексты оказываются на

периферии основного корпуса, и особый лингвистический механизм их создания остается нераскрытым. Отсюда оказывается нераскрытой и природа перехода от старого литературного языка к новому.

При отсутствии каких-либо критериев определения преемственности соотношение русского литературного языка нового типа с предшествующими традициями оказывается произвольным. Как один из результатов этого произвола возникает довольно распространенное в научной литературе утверждение о непосредственной зависимости русского литературного языка нового типа от приказного языка Московской Руси. Никаких реальных оснований для такого утверждения нет, более того, ряд фактов свидетельствует о том, что преемственность между этими двумя языками отсутствовала. Например, как уже говорилось, в "простом" языке Петровской эпохи (равно как и во всем формирующемся на его основе литературном языке нового типа) практически не наблюдается характерное для приказного языка (ср. Черных 1953, 306-307; Пеннингтон 1980, 252) окончание род.ед. ж. рода *-ье/-ие*; в условиях преемственности такое расхождение вряд ли возможно.

Обращение к грамматическим параметрам и в данном случае вполне четко указывает на схему развития, тогда как обращение к лексике не приносит никаких четких свидетельств, хотя бы в силу того, что трудно указать на специфичный для приказного языка словарный материал. Весьма показательны, что такой тонкий знаток истории русского языка, как Г.О. Винокур, может писать "о приказных словах вроде *аз, понеже, точию* и т.п." (Винокур 1959, 123). Отбирая примеры типичных приказных слов, Г.О. Винокур во всех трех случаях привел лексемы, крайне не характерные для приказного языка, но вполне обычные в традиционных книжных текстах. Обычной формой местоимения 1 лица ед. числа в деловых документах XVI-XVII вв. является *я* (в XVI в. наряду с *язь* - Кокрон 1962, 134; Пеннингтон 1980, 244). Исключение составляет начальная форма определенных грамот "*се азъ...*", оформившаяся еще в древности (см. о ее происхождении Золтан 1984, 6-8; Золтан 1987) и сохранявшаяся по традиции вплоть до петровского времени; эта формула, видимо, и ввела в заблуждение Г.О. Винокура. Для приказного языка XVII в. типичными причинными союзами являются *потому что* и *для того что* (Пеннингтон 1980, 363-364), тогда как *понеже* выступает здесь как периферийное средство выражения; ассоциация *понеже* с языком подьячих возникает искусственно в середине XVIII в. и отнюдь не указывает на "приказное" происхождение данного союза. Крайне редко появляется в приказных текс-

тах частица *точию*, она обычна в церковнославянских текстах, тогда как в деловых документах ей, как правило, соответствуют только и (реже) *токмо* (ср. Пеннингтон 1980, 710; Вести-курanty 1983, 271; Котков, Астакина и др. 1984, 351).

Говоря о лексике в связи с вопросом о преемственности русского литературного языка нового типа по отношению к приказному языку, необходимо иметь в виду, что словарный материал приказного языка тематически ограничен, поэтому трудно представить себе его перенесение в литературный язык, призванный обслуживать культуру как целое. В свое время Л.А. Булаховский писал: "Многие думают, что частично источником нового художественного языка мог быть уже имевший длительное существование и близкий к разговорному ясный и простой слог учреждений-приказов. Его значение в истории русского литературного языка не следует, однако, преувеличивать: бедный лексически, однотонный по содержанию, ... не пользующийся никакой репутацией изысканности и даже отдаленно не претендующий на нее, он, конечно, ничьего внимания при разрешении задачи о слоге для изящной литературы к себе не привлекал" (Булаховский 1958, 55).

Единственное существенное сходство, которое можно усмотреть при сопоставлении "простого" языка Петровской эпохи и приказного языка Московской Руси, — это неупотребление признаков книжности. В этом плане приказной язык может рассматриваться как прецедент письменности без признаков книжности, но этой ролью прецедента его значимость и ограничивается. Впрочем, в качестве прецедента могла выступать и "проста мова" Юго-Западной Руси, и даже языковая ситуация в иноязычных коллективах (например, письменности на книжном греческом и на димотики в Греции). Нужен ли был какой-либо прецедент писавшим на "простом" языке авторам, и обращались ли они когда-либо в этом качестве к приказному языку, остается сомнительным ввиду полного отсутствия ясных свидетельств. Поэтому нет никаких оснований говорить о приказном языке Московской Руси как предшественнике русского литературного языка нового типа.

Думается, что основным источником возникших в данном вопросе недоразумений является цитировавшееся выше приказание Петра Ф. Поликарпову, в котором говорилось, что "высоких слов славенских класть не надобять, но Посольского приказу употреби слова" (Черты из истории... 1868, стб. 1055). Что имел в виду Петр под "словами Посольского приказу", неясно, в Посольском приказе делались различные

переводы с иностранных языков, причем в языковой практике разных переводчиков единообразия, видимо, не было; во всяком случае ничто не говорит о том, что Петр подразумевал приказной язык.

Тем не менее такой смысл этим словам приписывался, и на этом шатком основании строилась целая теория развития русского литературного языка. Так, Е. Будде писал: "... Петр Великий широко развил переводческую деятельность и принял непосредственное участие в заботах об удобопонятности новых переведенных книг по различным отраслям наук и сам руководил делом переводов на русский язык, издавая указы о языке новых сочинений. Личной деятельностью Петра Великого был пущен в оборот приказный язык московских грамотеев, и если мы посмотрим произведения русской литературы с Петра, мы увидим, как постепенно проникал этот приказный язык со всеми своими синтаксическими оборотами, словами и формами в произведения русской литературы, именно, в драмы, интерлюдии, романы, повести и др. сочинения, которые все связаны общей основой приказного языка" (Будде 1908, 47). Хотя любого конкретного анализа перечисленных Е. Будде "произведений русской литературы" достаточно, чтобы поставить под сомнение эти тезисы, они становятся общим местом в описаниях языка Петровской эпохи и в более или менее явном виде переходят из исследования в исследование (ср., например: Смолина 1981, 37).

Существует еще один важный момент, который связывает русский литературный язык нового типа с приказным языком Московской Руси; с появлением первого последний постепенно выходит из употребления. Понятно, что никакого логического основания для тезиса о преемственности эта смена языков не дает, такой вывод был бы типичным построением по схеме *post hoc, ergo propter hoc*, однако сам по себе механизм этой смены заслуживает внимания и является важной характеристикой языковой ситуации Петровской эпохи. Вытеснение приказного языка начинается именно в эпоху Петра (см. Унбегаун 1965), язык многих законодательных актов данного времени существенно отличается от приказного канона как по характеру синтаксических построений, так и в терминологической сфере (ср. Живов 1988б). В обычном делопроизводстве приказной язык, естественно, продолжает удерживать свои позиции еще в течение нескольких десятилетий, так что его окончательный упадок приходится лишь на вторую половину XVIII в. Для этого периода показательно, что Фонвизин, создавая в "Бригадире" пародийную речь бюрократа, наполняет реплики советника славяниз-

мами, а отнюдь не специфическими формами приказного языка - приказной язык как особая лингвистическая традиция языковым сознанием более не воспринимается. Законодательство и делопроизводство постепенно втягиваются в сферу функционирования русского литературного языка нового типа.

Механизм данного процесса состоит, на мой взгляд, в том, что с формированием литературного языка нового типа существование особого приказного языка приходит в противоречие с развитием языковой ситуации. В самом деле, в языковой ситуации предшествующего периода употребление книжного языка основывалось на механизме пересчета, оперировавшем признаками книжности, которые и указывали на культурный статус текста. Действие механизма пересчета было непосредственно обусловлено культурным заданием. В деловой письменности культурное задание отсутствовало, механизм пересчета не действовал, и именно это вызывало к жизни особый приказной язык - это письменный язык, в котором не действует механизм пересчета (ср. Алексеев 1987, 42); постепенно этот язык создает собственную традицию и вырабатывает особые языковые нормы.

Формирование русского литературного языка нового типа начинается с устранения признаков книжности (см. выше), т.е. с разрушения механизма пересчета. Соответственно, противостояние приказного языка новому литературному языку лишается принципиальных оснований. Если раньше, в оппозиции к церковнославянскому, приказной язык был вторым полюсом языкового употребления, отделенным от книжного языка особым способом порождения текстов, то теперь он перемещается на периферию. Его специфика не поддерживается более системой языкового поведения, а может сохраняться лишь в силу консервативности навыков приказной среды.

Вместе с тем в новых условиях литературность текста перестает связываться с признаками книжности и целиком определяется его культурными функциями, т.е. экстралингвистическими параметрами. Литературность текста больше не зависит непосредственно от его грамматических характеристик, манифестирующих единство нового произведение с образцовыми текстами кирилло-мефодиевской традиции. При таком изменении языковой ситуации создается зависимость литературного языка от литературы (культуры), которая приходит на смену обратной зависимости, когда литературность определяется

употреблением литературного языка (см. Успенский 1987, 2). В результате подобной перестройки появляется возможность для существования нелитературных текстов на литературном языке. Данная возможность снимает все принципиальные препятствия для экстраполяции норм нового литературного языка на любые сферы употребления вне зависимости от их культурного статуса. Одной из таких сфер была духовная словесность, в которой новый литературный язык постепенно вытесняет церковнославянский (во второй половине XVIII в.), оставляя за последним лишь функции священного языка богослужения. Другой такой сферой было законодательство и делопроизводство. По мере обновления бюрократического аппарата исчезали навыки приказного языка, и его место постепенно занимал литературный язык нового типа, со временем усвоивший в данной функции отдельные специфические черты (канцеляризмы), как правило, никак не связанные с предшествующей приказной традицией. Полифункциональность нового литературного языка и является следствием данных процессов.

4. Итак, петровская языковая политика радикально изменяет русскую языковую ситуацию. Именно в этот период возникает новый литературный язык, противопоставленный церковнославянскому; по мысли Петра, он должен был стать средством выражения новой секулярной культуры, порвавшей с традиционными культурными ценностями; к таким традиционным ценностям относился и церковнославянский язык.

Формирование литературного языка нового типа осуществляется как отказ от употребления признаков книжности, с которыми в языковом сознании данной эпохи связывалось представление о правильном книжном языке. Признаки книжности как основной показатель языковой нормы характерны прежде всего для гибридного языка. Новый литературный язык и выступает как его трансформация. Эта трансформация предполагает как отталкивание от традиционного книжного языка, так и преемственность в отношении к нему: "простой" язык Петровской эпохи наследует ту вариативность генетически разнородных элементов, которая была свойственна языку гибриднему. Эта вариативность предопределяет дальнейшее развитие нового литературного языка - длительный процесс нормализации конкурирующих вариантов; начало этого процесса можно наблюдать уже в Петровскую эпоху.

Появление нового литературного языка радикально изменяет языковую ситуацию и создает новое содержание самого понятия литературности: литературность определяется культурной функцией, а не признаками книжности. В результате утверждение "простого" языка Петровской эпохи в качестве литературного приводит к экспансии его употребления за счет прежних языковых традиций. Новый литературный язык вытесняет из употребления приказной язык, поскольку возникает возможность нелитературного применения литературного языка. Вместе с тем новый литературный язык вступает в конкуренцию с традиционным книжным языком (церковнославянским), постепенно захватывая не только сферу светской, но и сферу духовной культуры. И это развитие начинается уже в рассматриваемый период. Таким образом, в Петровской эпохе можно видеть корни всей последующей эволюции русского литературного языка нового типа - как в плане переработки его структурных характеристик, так и в плане его функциональной экспансии.

Библиография

- Алексеев, А.А.: 1987, 'Пути стабилизации языковой нормы в России XI-XVI вв.', *Вопросы языкознания* 2, 34-46.
- Аполлодор: 1725, *Аполлодора грамматика афинейского библиотеки или о богах. Напечатана повелением Императорского величества в Москве 1725 Года, в Январе.*
- Бабаева, Е.Э.: 1989, *История русской лингвистической мысли в начале XVIII века и языковая практика Петровской эпохи (лингвистическая и редакторская деятельность Ф.П. Поликарпова). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва.*
- Будде, Е.: 1908, *Очерк истории современного литературного русского языка (XVII - XIX век), (= Энциклопедия славянской филологии, вып. 12), СПб.*
- Булаховский, Л.А.: 1958, *Исторический комментарий к русскому литературному языку. 5-е, доп. и перераб. изд., Киев.*

Вести-куранты: 1983, *Вести-Куранты*, 1648 – 1650 гг. (под ред. С.И. Коткова).

Виноградов, В.В.: 1938, *Очерки по истории русского литературного языка XVII - XIX вв.*, 2-е изд., Москва.

Винокур, Г.О.: 1959, *Избранные работы по русскому языку*, Москва.

Живов, В.М.: 1986, 'Азбучная реформа Петра I как семиотическое преобразование', *Труды по знаковым системам*, вып. 19 (= Ученые записки Тартуского гос. университета, вып. 720), 54-67.

Живов, В.М.: 1986а, 'Новые материалы для истории перевода "Географии генеральной" Бернарда Варения', *Известия АН СССР, Серия литературы и языка*, т. LXIV, 3, 246-260.

Живов, В.М.: 1988, 'Роль русского церковнославянского в истории славянских литературных языков', *Актуальные проблемы славянского языкознания* (под ред. К.В. Горшковой, Г.А. Хабургаева), Москва, 49-98.

Живов, В.М.: 1988а, 'Смена норм в истории русского литературного языка XVIII века', *Russian Linguistics* 12, 3-47.

Живов, В.М.: 1988б, 'История русского права как лингвосемиотическая проблема', *Semiotics and the History of Culture. In Honor of Jurij Lotman. Studies in Russian*, (= UCLA Slavic Studies, vol. 17), Columbus, Ohio, 46-128.

Золтан, А.: 1984, *Западнорусско-великорусские языковые контакты в области лексики в XV в. (К вопросу о западной традиции в деловой письменности Московской Руси)*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва.

Золтан, А.: 1987, 'Се азъ... (К вопросу о происхождении начальной формулы древнерусских грамот)', *Russian Linguistics* 11, 179-186.

Ivatschenko, A.: 1983, *Geschichte der russischen Sprache*. 2. Band. *Das 17. und 18. Jahrhundert*, Heidelberg.

- Cocron, F.: 1962, *La langue russe dans la seconde moitié du XVIIe siècle (morphologie)*. (= Bibliothèque russe de l'Institut d'Études slaves, XXXIII), Paris.
- Котков, С.И., Астахина, Л.Ю. и др.: 1984, *Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край*, Москва.
- Ларин, Б.А.: 1975, *Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.)*, Москва.
- Левин, В.Д.: 1972, 'Петр I и русский язык (К 300-летию рождения Петра I)', *Известия АН СССР, Серия литературы и языка*, т. XXXI, вып. 3, 212-227.
- Лукичева, Э.В.: 1974, 'Федор Поликарпов - переводчик "Географии генеральной" Бернарда Варения', *Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века* (= XVIII век, сб. 9), Ленинград, 289-296.
- Мещерский, Н.А.: 1981, *История русского литературного языка*, Ленинград.
- Пекарский, П.П.: 1862, *Наука и литература при Петре Великом. Т. I-II*, СПб.
- Пеннингтон, А.Е.: 1980, *Grigorij Kotošixin. O Rossii v carstvovanie Alekseja Michajloviča, Text and Commentary* (A.E. Pennington ed.), Oxford.
- Смолина, К.П.: 1981, 'Развитие лексики русского литературного языка в Петровскую эпоху (конец XVII – начало XVIII в.)', *История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века* (под ред Ф.П. Филина), Москва, 25-115.
- Соболевский, А.И.: 1980, *История русского литературного языка*, Ленинград.
- Унбегаун, Б.О.: 1965, 'Язык русского права', *На темы русские и общие. Сборник статей и материалов в честь проф. Н.С. Тимашева*, Нью-Йорк, 178-184.

Успенский, Б.А.: 1983, *Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка*, (= IX международный съезд славистов. Доклады.), Москва.

Успенский, Б.А.: 1987, *История русского литературного языка XI – XVII вв.*, (= Sagners slavistische Sammlung, Bd. 121), München.

Черных, П.Я.: 1953, *Язык Уложения 1649 года*, Москва.

Черты из истории ... 1868: *Черты из истории книжного просвещения при Петре Великом*. Переписка директора Московской Синодальной типографии Федора Поликарпова с графом И.А. Мусиным-Пушкиным, начальником Монастырского приказа. 1715-1717 гг., Русский Архив, п. 7-8.